

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Этой книгой мы продолжаем поэтическую серию «Антология Живой Литературы» (АЖЛ). Серия называется так неспроста: ведь каждое литературное произведение, будь то рассказ, повесть или стихотворение, вмещает в себя бездну пережитых автором ощущений, событий и эмоций. Именно из этого на самом деле состоит жизнь, если отбросить все те бытовые мелочи, которые неизбежно присутствуют в каждом нашем дне, но отнюдь не являются тем, зачем мы вообще оказались на этом свете.

Стихотворение — это своего рода квинтэссенция пережитых эмоций, карта сплетения жизненных путей длиной, быть может, во много лет. В стихотворении, умещенном на одной странице, зачастую больше жизни, чем в иных годах человеческого существования.

Мы желаем каждому читателю найти под этой обложкой те самые стихотворения, которые помогут не забыть в трудную минуту о том, что в каждом из нас есть настоящие, сильные чувства, ради которых, быть может, мы и живем.

*Редактор тома
Анна Теркель*

P.S. Если у вас есть желание предложить свои произведения — мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: **skifiabook@mail.ru** с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

Евгения Бильченко

Украина, г. Киев

Звериный язык

Об авторе:

Поэт, прозаик, переводчик. Философ, культуролог, религиовед. Профессор кафедры культурологии Института философского образования и науки Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Киев). Публиковалась в украинских и российских журналах, автор нескольких книг.

Победитель Всеукраинского литературного конкурса «Витюки» (Острог, 2009) в номинации «Поэзия» (1-е место), Всеукраинского литературного фестиваля «Краснодонские горизонты» (Краснодон, 2009) в номинации «Рубленое мясо поэзии», литературного конкурса в рамках Всеукраинского литературного фестиваля «Пушкинское кольцо» (Черкассы, 2010; 3-е место), Турнира поэтов «Летающая крыша» в рамках Всеукраинского литературного фестиваля «Пушкинское кольцо» (Черкассы, 2010; 2-е место), Всеукраинского фестиваля поэзии «Підкова Пегаса» (Винница, 2012 — лауреатство; Винница, 2012 — гран-при), Международного литературного фестиваля имени Н. Хаткиной «Самбала» (Донецк, 2010; 1-е место), Всеукраинского литературного конкурса «Малахитовый носорог» (Винница, 2010; 3 место), Международного литературного конкурса «Согласование времен» (Франкфурт-на-Майне, 2010) в номинации «Поэзия» (2 место и звание «Золотой автор»), слэма в рамках Всеукраинского поэтического фестиваля «Ан Т-Р-Акт: СЕРЕБРЯНОЕ ВЕК» (Херсон, 2011; 1-е место), Всеукраинского открытого фестиваля поэзии «АВАЛГард» (Харьков, 2012; гран-при), Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (Николаев, 2012; 2-е место).

Член жюри международных фестивалей поэзии: Гриновского фестиваля «Алые паруса» (Одесса, 2010), «Ан Т-Р-Акт» (Херсон, 2013), «Ветер поэзии» (Киев, 2012-2013), «АВАЛГард» (Харьков, 2013), «Одна маленькая свеча» (Киев, 2012-2013).

С целью сохранения творческой свободы сознательно отказалась от членства во всех государственных и общественных литературных организациях.

Звериный язык

Я поэт, но мечтаю, чтобы язык исчез,
Потому что на самом деле слова — заслон.
Пусть тебе на заре приснится гренландский лес,
Где у самки оленя вырос индийский слон.

Потому что на самом деле не надо стен,
Чтобы сердце в конце пути обрело приют.
Видишь, как розовеет сакура в стиле дзен,
А над ней по-славянски колокола поют?

Вне широт и меридианов меня несет
По какой-то другой системе координат.
С языком я умею делать, ей-богу, все:
Только Истина все равно остается над.

И поэтому надо сбросить горбатый груз,
Чтобы шли пилигримы с воздухом в рюкзаке,
А прохожие кошки пели собачий блюз
На старинном зверином ангельском языке.

Чужая зима

Зима. Как половники в каше рисовой,
Из снега таращатся новостройки.
А наша химичка Нинель Борисовна
Сегодня не в духе и ставит двойки.

Вот в класс она входит, свирепо фыркая.
Вот мел проверяет с улыбкой монстра...
И мы наклоняемся над пробирками,
В кулак зажимая остатки мозга.

Отличницы парятся, клуши клушами:
Потеют ладошки, дрожат коленки.
А мне — фиолетово. Я подслушивал
В учительской комнате возле стенки:

Уткнувшись подруге в жакетик плисовый,
Она причитала у самой двери.
Я знаю, что муж у Нинель Борисовны —
Известный художник и ей не верен.

Что пишет в эстетике сюр пейзажи он,
Что год уже спит с поэтессой-сухой;

Что скоро ее похоронят заживо
Под газовой плиткой с кастрюлькой супа!

Потом, выходя отвечать задачку ей
В безвыходной ауре общей комы,
Я крикнул, чернильной тоской испачканный:
«Решали бы лучше проблемы дома!»

Девчонка прицелкнула ногтем лаковым.
Проснулся придурок с последней парты.
Нинель покачнулась и вдруг заплакала,
Забыв о приличиях и стандартах...

Шли годы, как пошлый сюжет блокбастера.
По жизни скакали козлы и козы.
Художник тот спился. А Муза Мастера
Скончалась в притоне от передоза.

Но зимы красивы у нас немислимо,
И так же морозы крепки и стойки!

Седая, как вьюга, Нинель Борисовна
Считает снежинки и ставит двойки.

Мной

Светятся звезды во мгле кипарисовой,
Тычась лучами в лопатки палаток, —
Поговори со мной, поговори со мной:
Мне от молчания хочется плакать.

Лето закончится, как революция, —
Будет октябрь пламенеть диктатурой, —
Поговори со мной, друг мой возлюбленный,
Выпрямив речь, как хребет у сутулых.

Вместе с поэтом уходит традиция
На Берковцы, Новодевичье, Волчье, —
Поговори со мной, брат мой единственный:
Там, под землей, — колокольчики звонче.

Здесь же у власти — асфальтные демоны —
Мелкие бесы пластмассовой музыки, —
Поговори со мной, сын недоделанный,
Между арт-клубом, общагой и вузом.

Наши пути до Кронштадта не пройдены,
Не пережиты казанские ночи, —
Поговори со мной, девочка Родина:
Ты же — не сука, а глупый щеночек,

Правое не отличивший от левого
На чертежах мирового порядка...
Поговори со мной, Мама Вселенная,
Сжавшись в размерах до детской площадки.

Космос пропах абрикосовой вечностью.
Спрятан покой в метафизике бунта.
Поговори со мной, Бог человеческий,
На языке Терешковой и Будды.

Мне — с парусами в распахнутых форточках,
С крымской Ассолью у летних калиток —
«Поговори со мной» кажется формулой
Самой священной на свете молитвы.

Вспенится в облаке капель игристого
Просьба, что старше китайского риса:

«Поговори со мной, поговори со мной,
Поговори со мной, поговори со мной,
Поговори со...»

Мной.

Онкология: Зеленая балерина

Незнакомке

На Родине Грига (точнее, Грина),
Где иволги ивам кудряшки чешут,
Танцует зеленая балерина,
Порхая на кончиках хрупких чешек.

А здесь в полный обморок жрут лекарства,
Спастись по которым мечтали все бы;
Ворона за окнами, глухо каркнув,
Уносит к пророкам сырое небо.

Пусть день ото дня тяжелей вериги,
Но каждый уверен: вдали, незрима,
На Родине Грина (точнее, Грига)
Танцует зеленая балерина.

Она прилетит — не сейчас, а через
Десятки столетий на крыльях лета...
И прячет девчонка под лысый череп
Смертельный билет своего балета.

Мы с ней очутились в звериной яме,
Где хуже насилия — только жалость.
И те, кто когда-то звались друзьями,
Сегодня предательски разбежались

Участвовать в жизненных хит-парадах,
Жевать из бездомных собачек булки...
Танцуй, моя радость, пока я рядом
Стою, опираясь лицом о бункер.

Мы вместе прорвемся из тряской тины
На красном коне колокольной конки:
На Родине Грига (точнее, Грина)
Нас ждут одногрудые амазонки.

Я стану Памеллой, а ты — Мореллой:
С нас варвары будут писать эстампы.
Мы ловко натянем тугие стрелы
И пустим по свету амуров ампул.

Поэт я. И жизнь у меня — разбита.
Кому как не мне погибать на минах,
Взрывая планеты? Но ты-то, ты-то...
Прости мне, зеленая балерина.

Casual Story

У старой собаки Жучки — всего два друга:
Кот Васька и мальчик Глеб из квартиры пять.
Когда она воет, перебудив округу,
Кот деру дает, а мальчик орет: «Лежать!»

Но Жучка жила так долго, как только в сказке
Крылатые псы и волки еще живут.
Ей снились старик Джек Лондон, Сибирь, Аляска,
А если совсем хреново — то Голливуд.

Теперь ее сны пусты, как бумажник хиппи.
Поэтому ей так важно, что есть сейчас:
Крикливый подросток Глеб в гнойничковой сыпи
И Васька, который метит когтями в глаз.

Столичная осень... Двор заболел простудой.
По небу текут пивные барашки стай.
Но Жучка глядит на солнце — и видит Будду,
И Будда ей обещает собачий рай.

В такие минуты жить веселей и жутче,
Как будто успел, как будто попал в струю...
И кажется ей, паршивой дворняге Жучке,
Что стала она принцессой в чужом раю.

Зимой обрастает осень. Вторые сутки
Гулять не выходит юный соседский шпиц.
На встречном пути не Будды стоят, а будки,
И лица теряют лики в потоке лиц.

На Жучке линяют шрамы ее проплешин.
Тем временем Будда космос ведет к весне...

Кот Васька за хвост садистами был повешен,
А Глеб в девятнадцать с лишним погиб в Чечне.

Вождя заказали

Меня заказали.
Андрей Макаревич

Толпа напряглась, с трудом подавляя ропот.
Какая-то баба сзади чихнула сладко.
И вдруг по рядам пронесся пугливый шепот:
«Смотрите! Смотрите!
Вождь не попал в десятку!»

О нем говорили: вместо зрачков — алмазы.
Он мифом прослыл от Африки до Алтая...
Сенсация века: лучший стрелок промазал
И больше не годен быть заводилой стаи.

Как лидера крайних левых перед хоккеем,
Как дряхлого принца где-нибудь на Самоа,
Вождя заказали собственные лакеи...
Позвольте им смыться, *let those people go!*

Им стригли «под бобик» совесть в совковых дурках.
Из них вычищали вечность банальной хлоркой.
Вождя похоронят в урне из бронзы урки.
За гимн о вожде получают писцы пятерки.

И, день ото дня в своей суете смелея,
Они себя постепенно сочтут вождями;
Отпразднуют «вечер памяти» к юбилею,
С которым и рядом в поле не сядет память.

В душе у вождя — не дактили, не хорей:
В душе у вождя — Чернобыль и Хиросима.
Вождя заказали... Хоть бы уже скорее!
Водить этой жизнью стало — невыносимо:

Храня непорочность Мышкина в «Идиоте»,
Лелея коварство опытного индейца, —
Быть первым, быть вечно первым, на самом взлете,
Когда от падений некуда больше деться!

А может быть, все — мираж, и вождя надули?
Как пьяницу, что шатается на вокзале
И, путая синяки со следами пули,
Истошно вопит: «Они меня заказали!»?

Вождю отвечают: «Надо бы попуститья.
Запомни, не ты один на планете гений».
Но в облаке над ЧАЭС пролетают птицы,
Поэзией облученные, как рентгеном;

И цель на табло мигает в вокзальном зале:
Пора выбывать из шумных житейских скачек.
Такие дела... Вождя уже заказали...
И вождь этот — я.
Но главное: я — заказчик.

Пасха

Вчера я был убит. Сегодня я
Очнулся под землей и ткнулся лбом
О бархат крышки, изломав хребет
В попытке встать хотя б в неполный рост...
С небес я слышал щебет соловья,
Рев Боингов и тихий рокот бомб.
Вдали все так же бронзовел Тибет.
В норе все так же шевелился крот.

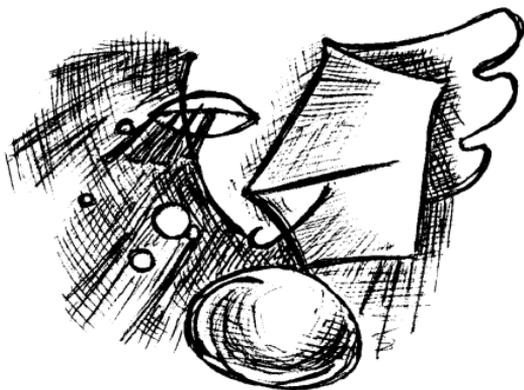
Я был убит. О Господи, за что?
Я обстоятельств действия не засек
И не увидел главного лица,
За пять минут до гибели устав...
Палач был тих. Палач носил пальто.
Палач негромко кашлял — это все,
Что я заметил. Сказку до конца —
Досматривать нельзя: таков устав.

Теперь мой пульс спокоен, как удав.
Я рою грунт со слабостью сохи.
Участок мой не ведают: ни *Google*,
Ни справочник, ни Книга Берейшит...

Прозрение приходит, как удар:
Я был убит, конечно, за стихи.
Вернее, так: за то, что я могу
Сказать стихами то, что их страшит.

Я помню казнь: мой лучший друг сказал,
Что я — «поэт гражданских кабаков».
Передо мной кривлялся мелкий бес.
И отпевал меня схизматик-поп...
Потом мой друг уехал на вокзал.
Бес выдохся. Поп спать ушел в альков.

Я пролежал Субботу — и Воскрес.
Пришла Мария и открыла гроб.

Закреть глаза

Закреть глаза — и спать, и спать, и спать,
Не видя снов.
Всю жизнь — до самой смерти.
Будильник сел.
Будить его не смейте.
Добро и Зло отмечены как спам.

Закреть глаза — родных не встретив глаз
(Того, вернее, что от них осталось).
Так бабушки, когда приходит старость,
Ложатся в рай, забыв на кухне газ.

Закреть глаза — так раковый больной,
Навеки веки под рукой сестричек
Смежает,
Улетая к Беатриче
И обретая дантовский покой.

В полной тьме ты весь как будто «над»:
Не только тьмой, — но даже белым светом,
Что греет чернокожую планету...

Закрывать глаза —
И Африки не знать.

Закрывать глаза — не видеть в них тебя
(Читай: себя) — и весь народ йоруба.

... А женщины, которых любит Рубенс,
Готовят фарш для пышных кулебяк.

Будда и червячок

(Сутра о своевременности)

Мне рассказали... Я бы не
Смог написать ни ямба сам:
Будда сидел под яблоней.
Будде хотелось яблока.

«Будде хотелось»?! — Опаньки!
Факт вопреки пророчеству.
Это в какой же опере
Будде чего-то хочется?!

Страсти давно похерены,
Но не об этом песенка:
Яблоко было — зелено,
Будде не дали лесенку.

Будда стоял растерянно.
Будда тянул кота за хвост.
Лезть мудрецу на дерево —
Вроде бы не по статусу.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru